

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ПАТРИЦИЯ
ВЕНТВОРТ

ВМЕШАТЕЛЬСТВО
МИСС СИЛВЕР

КОГДА ЧАСЫ ПРОБЬЮТ
ДВЕНАДЦАТЬ

Патриция Вентворт
**Вмешательство мисс Сильвер. Когда
часы пробьют двенадцать (сборник)**
Серия «Мисс Сильвер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7062652
Вмешательство мисс Сильвер. Когда часы пробьют двенадцать: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-082813-5

Аннотация

Погибла актриса варьете Карола Роланд, и полицейские считают, что ее убил капитан Джайлз Армитейдж, ведь Карола угрожала расстроить его помолвку с любимой девушкой. Но у мисс Сильвер другое мнение: детективы идут в неверном направлении, и смерть Каролы не связана с затейной ею интригой...

В новогоднюю ночь жестоко убит промышленный магнат Джеймс Парадайн. Главным подозреваемым становится Марк, племянник и основной наследник жертвы. Однако мисс Сильвер убеждена: и мотив, и возможность совершить преступление имелись практически у каждого члена клана Парадайн, представителей которого связывают весьма непростые отношения...

Содержание

Вмешательство мисс Сильвер	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	38
Глава 11	40
Глава 12	44
Глава 13	46
Глава 14	48
Глава 15	52
Глава 16	55
Глава 17	58
Глава 18	60
Глава 19	63
Глава 20	65
Глава 21	68
Глава 22	70
Глава 23	73
Глава 24	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Патриция Вентворт

Вмешательство мисс Сильвер.

Когда часы пробьют двенадцать

Сборник

Вмешательство мисс Сильвер

Глава 1

Мид Андервуд проснулась словно от толчка. Что-то разбудило ее – какой-то звук – но вот какой именно, она так и не поняла. Он вернул ее к реальности из сна, где она гуляла с Джайлзом Армитейджером, – Джайлзом, которого больше не было в живых. Но во сне он был не мертвым, а теплым и живым. Они шли рука об руку и были счастливы.

Она с отвращением и горечью прислушивалась к звуку, который ее разбудил. Всего лишь раз до этого они были так близки во сне. Иногда он звал ее, и от его голоса сжималось сердце, иногда нашептывал что-то, и она не могла разобрать слов, но в этом сне не было слов – только невыразимое ощущение счастья и умиротворения.

И она проснулась. Едва они вновь обрели друг друга, как она проснулась и снова потеряла его. Она села в постели и прислушалась. Вот уже третий раз за ночь она просыпалась от этого приснившегося звука. Но кругом стояла тишина. И ей никак не удавалось вспомнить, что это был за звук. Ветер? Но ночь выдалась такая тихая. Проезжающая машина, крик совы, летучая мышь, бьющаяся в стекло?... Там, снаружи, что-то двигалось, или этот шум доносился из квартиры наверху?... Мид одну за другой отвергала все догадки. Машина бы ее ни за что не разбудила. И не сова то была – совсем не тот звук, ничуть не похожий на крик совы, она точно это знала. И не летучая мышь. Да где это видано, чтобы летучая мышь колотилась в оконное стекло? Половицы в старом доме толстые, сколочены на совесть и не пропускают никаких звуков ни сверху, ни из тех квартир, что расположены рядом.

Она инстинктивно обернулась к окну. Луна взошла, но ее закрывали облака. Светящийся ореол, подобный занавесу, скрывал не только луну, но и ночное небо, и деревья, растущие перед окном, – два старых вяза, реликты, сохранившиеся еще с той поры, когда границей сада служила живая изгородь, а место, где теперь стоял дом, было открытым полем. Мид подошла к окну и выглянула наружу. Старомодное окно со скользящими двойными рамами, слишком тяжелыми, чтоб открыть их без помощи шкива, было закрыто. Верхняя половина заходила за нижнюю оконную панель. И потому Мид могла смотреть на улицу только через два слоя стекла, мало того – еще и через туманную пелену за окном.

Она ухватила за шкив и приподняла обе панели. Теперь через окно в нижней его части видно было хорошо. Но туман никуда не делся, белесый от отсвета невидимой луны, и разглядеть через него что-либо было невозможно. Так что ничего она и на этот раз не увидела. Тихая туманная ночь, луну затянули облака, весь дом спит, только она, Мид Андервуд, бодрствует, безжалостно вырванная из счастливого сна в реальный мир, где утонувший Джайлз Армитейджер лежит где-то на дне морском.

Мысли ее были преисполнены печали и горечи. Она проснулась и разрушила сон, в котором была вместе с Джайлзом, потому что была трусихой, потому что до сих пор ее подводили нервы, – вот и сейчас она испугалась, проснулась, и разбудило ее эхо катастрофы, про-

изошедшей три месяца назад где-то посреди Атлантики. Пора бы уже преодолеть этот страх, пора прийти в себя. Ей хотелось работать, трудиться до полного изнеможения, быть слишком занятой, чтобы услышать то, что она слышала сегодня ночью, увидеть то, что видела. Сломанные ребра зажили, рука – тоже. Но видно, сердцу, чтобы излечиться, нужно больше времени, нежели костям. Она была готова умереть вместе с Джайлзом, но он умер в одиночестве. В больничной палате она узнала, что жизнь покинула его, а она осталась жить и теперь была предоставлена самой себе.

Так она и стояла на коленях, собирая остатки храбрости, прежде чем впасть в агонию депрессии, отталкивая ее от себя дюйм за дюймом. «Я скоро начну работать, и мне сразу станет лучше. Меня обязательно примут на хорошую работу. Сейчас я полдня занимаюсь этими посылками – все лучше, чем ничего. И все так добры ко мне, особенно тетя Мейбл, жаль, что сама она как-то не очень мне нравится. Но она очень, очень добра. Только было бы гораздо легче, если бы я могла уехать прямо сейчас и не видеть, как все эти люди меня жалеют».

Туман охлаждал ее лицо, грудь, обнаженные руки. Давил на глаза, точно марлевая повязка. В голове звучали жалобные причитания из баллады «Мэри Гамильтон»: «И на глаза повязку мне они надели вдруг, и не смогла я видеть вновь тебя, мой милый друг». Ужасно!.. Вот что чувствовала она той ночью, когда корабль пошел ко дну и вместе с ним – ее Джайлз. Дрожь пронзила Мид с головы до пят, но она постаралась отогнать эти мысли и вскочила на ноги. Тысячу раз твердила она себе: «Я не стану оглядываться назад, я ничего не помню, не хочу помнить». Если закрыть дверь в комнату, где находится прошлое, оно не будет тебя беспокоить. Оно ушло. Все кончено, все ушло в забвение. И никто не сможет заставить начать жизнь заново, кроме тебя самой, – и ты предаешь саму себя, когда потихоньку отодвигаешь засовы, отпираешь замки и позволяешь этому врагу, прошлому, вновь подобраться к тебе. Нет, у нее в крепости нет предателей. Надо только следить за тем, надежно ли заперта дверь, и ждать, пока врагу не надоест, пока он не уберется восвояси.

Мид залезла в постель, натянула одеяло. И на нее тут же навалилась тишина ночи. Странно думать о таком большом доме, о том, как много в нем людей, и при этом не слышно ни звука, ни единого вздоха или шелеста, ни единого намека на то, что дом этот все же обитаем.

А может, так оно и есть. Где мы находимся, когда спим? Ну, явно что не там, где неподвижно, безмолвно и бесчувственно покоятся наши тела. Где была она сама перед той прогулкой? Перед тем как они с Джайлзом...

Засов снова снят, дверь приоткрылась. Сама виновата. Не смей думать о себе! Ты не должна! Слышишь? Не должна, просто не имеешь права! Подумай хоть раз обо всех этих людях в доме, а не о себе или Джайлзе... Джайлз...

Дом... Люди...

Вандерлёр-Хаус – дом в четыре этажа и с подвалом, построенный на том месте, где некогда находились поле и проселочная дорога, в те времена, когда Лондон еще не поглотил Патни, а Патни был маленькой деревушкой. Большой квадратный дом, отрезанный от прежнего окружения, со временем превратился в многоквартирный. Некогда здесь жил и творил Вандерлёр – старый Джозеф Вандерлёр, которого прозвали английским Винтерхальтером¹. Он, безусловно, превзошел этого прославленного придворного живописца, создал портреты принца Альберта, королевы Виктории и множества маленьких принцев и принцесс. Он писал портреты мистера Глэдстоуна и лорда Джона Рассела, он рисовал Диззи² и Пэм³,

¹ Речь идет о Франце Ксавьере Винтерхальтере (1805–1873) – немецком живописце и литографе, создателе портретов царских особ Европы середины XIX в. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Имеется в виду Бенджамин Дизраэли (1804–1881) – британский государственный деятель и писатель.

он написал совершенно замечательные портреты герцога Веллингтона и епископа Кентерберийского. Он изображал всех самых красивых дам своего времени, и на его портретах они выглядели еще красивее, чем в жизни; писал и простушек, и те выглядели весьма интересными женщинами. Человек, наделенный удивительным тактом, гостеприимный хозяин, надежный друг, человек самых либеральных взглядов, он писал и писал, и был вознагражден славой, состоянием и женой с богатым приданым.

Дом Вандерлэра посещали даже особы королевской крови. В канделябрах пылали тысячи свечей. Бальная зала была украшена пятью тысячами роз. Теперь же вместо просторных, изящно обставленных комнат появились квартиры – по две на каждом этаже. А стало быть – всего восемь, в подвале же устроили котельную центрального отопления, помещения для багажа, выделили также комнату для зрителя. Из просторной кухни уже не доносились аппетитные запахи готовящейся в огромных количествах еды, а уж сколько перемен блюд бывало на приемах, теперь и не сосчитать. Вместо этого в каждой квартире имела своя кухонька – крохотная комнатка, куда были втиснуты раковина, электроплита и несколько поставленных впритык шкафчиков. Место роскошной лестницы занял лифт, вокруг шахты лифта с этажа на этаж висала узкая лестница с бетонными ступеньками, холодными, неприглядными, без ковров.

Все это было так знакомо Мид Андервуд. И она начала перебирать в уме квартиры и живущих в них людей. Все лучше, чем считать овечек в надежде наконец уснуть, да и само занятие это требовало сосредоточения. В овечках мало интересного, мысль на них как-то не задерживалась, могла с легкостью переметнуться к закрытой и запертой на засов двери. А вот люди – куда более занимательные существа. Мид принялась считать и перебирать в уме всех жильцов дома.

Начать она решила с самого низа. В подвале жил старик Белл – Джеймс Белл – он же старина Джимми Белл, портье и зритель дома. Белл занимал теплую комнатку, втиснутую между бойлером и одним из помещений, приспособленным под кладовую. Веселый, жизнерадостный старик этот Джимми Белл. Лицо напоминает сморщенное яблочко, глаза ярко-голубые. «Доброе утро, мисс, доброго вам утречка, миссис Андервуд. Да, денек сегодня выдался ясный. Так что дождь пойдет навряд ли. Очень даже может быть, что и вовсе не пойдет, и солнышко будет сиять весь день».

Квартира номер один – старая миссис Мередит, которая появлялась на улице, завернутая в шали, точно кокон, и сидела на пляжном шезлонге. Как это ужасно – быть всего лишь бесформенным свертком из шалей. Уж лучше быть несчастной, лучше быть вообще неживой, чем забыть, что это такое – жить по-настоящему. Лучше умирать по погибшему возлюбленному, чем забыть, что такое любовь. Мид откинула эту мысль. Компаньонка миссис Мередит, мисс Крейн, подвижная, болтливая особа – большие круглые очки и пухлое бледное лицо. Служанка миссис Мередит, создание с кислым выражением лица, никогда ни с кем не разговаривает. Итак, их в этой квартире трое, и все они сейчас спят. Интересно, подумала Мид, может, миссис Мередит открыла во сне рот, и из него вывалился протез?...

Напротив – квартира номер два, там проживают миссис и мисс Лемминг. Мид жалела Агнесс Лемминг – эта жертва эгоистичной матери трудилась не покладая рук. Она не выглядела бы столь несчастной, если бы хоть чуточку думала о себе. Но не на ней, а именно на миссис Лемминг красовались обновки, голову украшал волнистый перманент. За лицом пожилая дама тоже ухаживала и до сих пор выглядела как ослепительная красотка, впрочем, вполне заслуженно – чудесные светлые волосы, красивые глаза, изумительный цвет лица. Бедняжка Агнесс, у нее такая очаровательная улыбка, но она редко улыбалась – весь день хлопотала по дому, следила за квартирой, а если и выходила, так только за покупками. «Хорошо бы

³ Имеется в виду Памела Уиндем-Льюис, жена Дизраэли.

ее призвали на какую-нибудь службу. Тогда бы у нее появился шанс снова стать свободным человеком, а не рабыней. Ей ведь лет тридцать пять, не больше».

Квартира номер три – здесь проживают Андервуды. В данный момент – сама Мид, тетя Мейбл и в крохотной комнатке для служанки – Айви Лорд. Дядя Годфри уехал на север. Мид любила дядю Годфри – командира авиационного отряда Андервуд, награжденного крестом «За летные боевые заслуги». Как это получилось, что он женился на тете Мейбл? Просто уму непостижимо. Они совершенно не подходили друг другу. Возможно, потому что он был застенчив и молчалив, и она избавляла его от необходимости говорить. И тем не менее они умудрились прожить вместе вот уже почти шестнадцать лет и просто души друг в друге не чаяли. Странно все же устроен этот мир.

А напротив – квартира под номером четыре, где проживает мисс Гарсайд – пожилая, немного надменная и очень достойная леди. Тут самое время процитировать тетю Мейбл: «Изображает из себя невесть что». И в самом деле, кто она такая? Ну, мисс Гарсайд – она и есть мисс Гарсайд. Из интеллигентной семьи. У нее, как однажды «заклеймила» миссис Андервуд, слишком утонченные вкусы и манеры. Фигура и идеалы равно несгибаемые. Глаза, которые смотрят как бы мимо соседей, вполне возможно, видят далекие звезды. Глядя на нее, Мид всегда казалось, что эта дама находится где-то в иных мирах. Не здесь. Интересно, где она сейчас?...

Куда как проще рассуждать о мистере и миссис Уиллард из квартиры под номером пять. Их легко представить спящими на безукоризненно заправленных постелях – ни единой складочки на простыне или подушке. Перед сном он, разумеется, снял очки, но в целом выглядит теперь так же, как и во время бодрствования, – подтянутым и аккуратным даже в пижаме, волосы лежат безукоризненно, противогаз всегда под рукой. Из всех людей, живущих в доме, его труднее всего представить видящим сны. Неужели состоящий на государственной службе мистер Уиллард никогда не сбегает от реальности? А может, просто не хочет, ни разу не испытывал ни малейшего желания?

Миссис Уиллард лежит точно в такой же кровати, что и муж, их разделяет только тумбочка. Днем обе кровати застланы розовыми шелковыми покрывалами с вышитым на них пугающим рисунком из громадных пурпурных и синих цветов. Даже опытному садовнику трудно представить, что такие могут вдруг расцвести на клумбе, разве что в кошмарном сне. Теперь же, ночью, покрывала сняты, аккуратно сложены и убраны. Мистер Уиллард не преминет позаботиться и об этом.

Миссис Уиллард довольно неряшлива. Ее густые, всегда растрепанные волосы как-то неожиданно перестали быть каштановыми, но и совсем седыми назвать их тоже нельзя. У нее лондонский акцент, и носит она совершенно чудовищные наряды, но при этом умудряется быть женщиной в целом славной. Она называет тебя «дорогушей», и ты почему-то миришься с этим. Интересно, где она путешествует и обитает в своих снах? Мид почему-то казалось, что это, должно быть, некое подобие детской с целой толпой шумных и веселых ребятешек – один еще совсем маленький в люльке, близнецы в одинаковых комбинезончиках, вот врываются перепачканные с головы до пят первоклассники, а вот девочка с длинной светлой косой... Но у миссис Уиллард нет детей и никогда не было. Бедная миссис Уиллард.

Напротив, в квартире номер шесть живет мистер Дрейк. А может, и нет. Он часто приходит домой очень поздно, позднее, чем сейчас. Мид не раз слышала, как он подходит к двери дома по гравиевой дорожке. Интересно, где он разгуливает в данный момент, может, все-таки во сне? И вообще на что они похожи, сны мистера Дрейка? Странноватая внешность у этого человека – черные, как у Мефистофеля, брови и очень густые, стального оттенка волосы. Что он делал и где бродил, когда его не было дома, – об этом, похоже, никто не знал. Он был всегда очень вежлив при встрече в лифте, но дальше дежурного обмена любезно-

стями никогда не заходил. По мнению миссис Уиллард, этот господин был снедаем какой-то тайной печалью.

И вот самый верхний этаж. Квартира под номером семь заперта. Спунеры уехали. Мистер Спунер, оторванный от своего склада шерсти, полный и низенький, выглядел забавно в шортах и рубашке цвета хаки, но был, как всегда, весел, оживлен и, как всегда, без умолку говорил о своей «маленькой женщине». Миссис Спунер, вечно в каких-то девичьих нарядах, всегда молодящаяся, прихорашивающаяся, озабоченная, пытающаяся острить, работала в ВТС⁴. О, до чего же она старалась произвести впечатление остроумной женщины, просто из кожи вон лезла! Иногда у нее получалось. Наверняка сны возвращают ее в мир, из которого ее вырвали, – маленький уютный мирок девичьих предсвадебных сплетен, новое платьице, новая шляпка, поход с Чарли в кино, а после – неспешный и приятный ужин дома вдвоем. Мирок тривиальный, но это все, что у нее было, что она знала и любила и могла обрести теперь только во сне.

И наконец, последняя квартира, номер восемь. Мисс Карола Роланд – актриса, и имя тоже сценическое. Интересно, подумала Мид, с чего она начинала? Ну, ясно, что не Карола и не Роланд – в том нет никаких сомнений. Но как бы там ни звали это хорошенькое и дерзкое дитя и какого бы там цвета ни были тогда у нее волосы, теперь, в возрасте двадцати с небольшим, она была все такой же дерзкой, такой же хорошенькой, с ослепительно белокурыми волосами, обесцвеченными перекисью водорода.

Мид начало клонить в сон. Карола Роланд – все же ужасно хорошенькая... интересно, почему поселилась здесь... тут скучно... на ее месте она ни за что бы не осталась... что привело ее сюда... какие ей снятся сны... наверняка только бриллианты и шампанское. Пузырьки поднимаются в бокале, наполненном золотистой жидкостью... пузырьки поднимаются со дна моря... качка становится все сильнее... Мид снова вернулась в свой сон.

В соседней комнате мертвым сном спала миссис Андервуд, волосы накручены на бигуди, лицо густо намазано кремом, плечи и шею подпирают три большие подушки, окно, как и в комнате Мид, открыто, нижняя панель поднята. Подсвеченный луной туман липнет к двойным оконным рамам. Туман нависает над ними плотным занавесом. Что-то движется в этом тумане, скользит по стеклянным панелям, тянется к подоконнику. Слышится слабый скрип, словно кто-то проводит рукой по оконной раме. Затем – другой звук, еще более слабый, который может различить лишь самый тонкий слух человека не спящего. Но никто не проснулся, никто ничего не слышал. Нечто легкое, как опавший лист, скользнуло на пол, прямо под окном, и осталось лежать там. И еще промелькнула чья-то тень, миновала открытое окно в спальне Мид. И ухватиться здесь не за что. Ничего, кроме гладкого холодного стекла наверху и открытого пространства снизу.

Двигаясь неспешно, но неумолимо, тень проскользнула мимо. Миновала окно и исчезла, не издав при этом ни звука.

Мид спала, но Джайлза в ее сне больше не было. Сплошная тьма. Она одиноко бродила в темноте, искала его отчаянно и безрезультатно.

⁴ Вспомогательная территориальная служба, женская организация, существовавшая во время Второй мировой войны.

Глава 2

Мисс Сильвер решила немного передохнуть, опустила руки на вязанье – шерстяной носок для военного летчика – и оглядела свое жилище. Во взгляде читались удовлетворение и искренняя благодарность. Столько бедных людей потеряли свои дома во время бомбежек, вообще все потеряли, а ее скромная квартирка в Монтегю-Мэншнс целехонька – даже все стекла в окнах на месте и без единой трещинки.

«Провидение Господне» – так называла она это, оглядывая голубые бархатные шторы, немного выцветшие за три года, но безупречно чистые, брюссельский ковер с ярким рисунком, обои в мелкий цветочек, тоже немного выцветшие, но сразу и не заметишь, разве что когда снимешь одну из картин. Она разглядывала все эти предметы и восхищалась ими. Переводила взгляд с гравюры Лэндсира «Монарх Глена» в рамочке из желтого клена на репродукции «Пузырьки», «Душа пробуждается» в точно таких же рамочках, а затем – на «Черного Брунсвикера». И сердце ее переполняла благодарность. Уютная, со вкусом обставленная комната в уютной и элегантной квартире. За те годы, что она проработала гувернанткой за мизерное жалованье, на которое только и могла рассчитывать гувернантка, она не чаяла и не надеялась, что когда-нибудь будет жить в такой замечательной квартире. Останься она гувернанткой, сейчас у нее не было бы ни бархатных штор, ни брюссельского ковра, ни этих гравюр, ни кресел-качалок с сиденьями, обитыми гобеленовой тканью в сине-зеленых тонах, с красиво изогнутыми ножками из орехового дерева, ни викторианских бюстов, ни ломберных столов, обитых мягкой тканью. Благодаря случаю, удачному повороту судьбы, она перестала быть гувернанткой и стала частным сыщиком, причем настолько успешным, что работа на этом новом поприще смогла обеспечить ее и бархатом, и гобеленовыми тканями, и ореховым деревом, и брюссельским ковром. Будучи глубоко и искренне верующей, мисс Сильвер не уставала возносить благодарность тому, кого называла Провидением, – за то, что позволило сохранить все ее имущество за два года войны.

Она уже собралась снова взяться за вязание – мисс Сильвер вязала носок для своего младшего племянника Альфреда, который недавно начал служить в ВВС, – как вдруг отворилась дверь, и ее бесценная пожилая Эмма объявила: «Миссис Андервуд». В ту же минуту в комнату вошла одна из тех полных женщин, что одеваются совершенно безвкусно и не к лицу. Черный костюм миссис Андервуд сидел на ней из рук вон плохо, не скрывая, а, напротив, только подчеркивая полноту. И с пудрой на лице тоже перебор, с губной помадой та же история, и было бы гораздо лучше, если бы она раз и навсегда отказалась от теней для глаз. А волнистые волосы под шляпкой – из тех, что считались ультрамодными, были уложены слишком, даже как-то неестественно тщательно – сразу видно, что она только что от парикмахера. Юбка явно коротковата, чулки слишком тонкие и прозрачные для столь полных ног, ну а туфли... Если даже они ей и не жали, причиняя боль при каждом шаге, они явно не стоили того, чтобы в них вырядаться. С широкой улыбкой миссис Андервуд протянула руку мисс Сильвер.

– О, мисс Сильвер! Уверена, вы понятия не имеете, кто я такая, но несколько недель назад мы виделись с вами у миссис Моурей... миссис Чарлз Моурей... Милая Маргарет, такая очаровательная дама... Я случайно проходила мимо и вдруг подумала: непременно надо зайти повидать вас! Только не говорите, что не помните о нашей встрече. Для меня она была просто незабываемой!

Мисс Сильвер улыбнулась и пожала протянутую руку. Она прекрасно помнила миссис Андервуд, прекрасно помнила брошенную Чарлзом Моуреем фразу: «Бедный старина Годфри Андервуд потерпел полное фиаско. Скучнее и глупее его нет на всем белом свете. А уж супружница его так и повисла на шее у Маргарет. Это напоминает «Поэму о старом моряке»

и альбатросе. Убейте, не понимаю, что случилось с Маргарет. Неужели она не может вывести эту женщину из дома и толкнуть под трамвай? Нет, вместо этого она приглашает ее на чай. Если эта особа задержится здесь еще немного, клянусь, я разобью этот чертов молочник из сервиза!»

– Как поживаете, миссис Андервуд? – бодро сказала мисс Сильвер. – Конечно, я прекрасно вас помню.

Дама уселась. На груди у нее красовалась двойная нитка жемчуга. Жемчужины поднимались и опускались в такт довольно учащенному дыханию. Скорее всего их владелица поднялась на лифте, однако, глядя на колыхание жемчужин, можно было подумать, что она избежала на нужный этаж по лестнице, прыгая через три ступеньки.

Отвергнув это абсурдное предположение, мисс Сильвер задалась вопросом: почему же так нервничает миссис Андервуд и не является ли причиной ее визита чисто профессиональный вопрос? А потому, прервав довольно пространные и неопределенные рассуждения госты на тему погоды, она заметила без всяких обиняков:

– Прошу прощения, миссис Андервуд, но, поверьте, всегда лучше прямо перейти к делу. У вас имеются какие-то особые причины повидаться со мной, или же прикажете расценивать это просто как дружеский визит?

Миссис Андервуд изменилась в лице. И это ей явно не шло. Под слоем пудры покрасневшая кожа приобрела довольно неприглядный розовато-лиловый оттенок. А потом она как-то странно и визгливо хихикнула.

– О, ну почему же! Любой друг моей дорогой Маргарет... и я просто проходила мимо. Это совпадение, не более того. Шла себе по улице, потом поднимаю глаза и вижу – да это же Монтегю-Мэншнс, прямо по пути. Ну и я почувствовала, что просто не могу пройти мимо.

Мисс Сильвер защелкала спицами. Создание носка для новобранца ВВС возобновилось. С грустью размышляла она о природе лживости – этот прискорбный порок, как ей казалось, можно попытаться исправить только в раннем детстве. А потом заметила с присущей ей прямоотой:

– Но как вы узнали, что я живу именно здесь, миссис Андервуд?

Та снова покраснела – густо и некрасиво.

– Видите ли, Маргарет Моурей как-то упомянула об этом – так уж получилось, к слову пришлось. И я почувствовала, что просто не могу пройти мимо, не навестив вас. У вас совершенно очаровательная квартира! Жить в квартире гораздо удобнее, чем в отдельном доме, вы согласны? Ни лестниц, ничего такого. Неудивительно, что прислуга так неохотно идет работать в эти дома с подвалами. А если вы, к примеру, вдруг захотели уехать, положили себе ключ в карман, и все.

Мисс Сильвер промолчала. Спицы продолжали щелкать. Она надеялась, что госты все же перейдет наконец к делу. Какой, однако же, у нее неприятный голос – высокий, визгливый, и к нему примешивается звук, который издает надтреснутый фарфор.

Миссис Андервуд меж тем не умолкала:

– Нет, разумеется, есть свои недостатки. Когда я жила за городом, то просто обожала свой сад. Очень любила сад, но мужу пришлось переехать поближе к месту работы, к министерству военно-воздушных сил, знаете ли. Ну а когда приказом его перевели на север, у меня осталась только квартира, и, если бы не война, я бы успела дюжину раз сдать ее, но, сами понимаете, кто же сейчас захочет снимать квартиру в Лондоне. Хотя она находится не в самом Лондоне, а в Патни. Такой чудесный старый дом, знаете ли, из тех, что прежде украшали пригороды. Он принадлежал Вандерлёру, художнику, сколотившему огромное состояние на написании портретов королевских особ, самой Виктории и всех этих детей, так что, понятное дело, заработал кучу денег, хотя обычно художники у нас просто нищенствуют, едва сводят концы с концами. Но, думаю, он нашел правильный подход. И должно быть,

содержать такой дом было ужасно дорого. После смерти Вандерлэра он довольно долго пустовал, ну а потом его переделали в многоквартирный. Но сад теперь уже совсем не тот – сами понимаете, нанять хорошего садовника нынче почти невозможно. Ну и потом мне хотелось бы быть поближе к мужу. Чтобы подыскать что-нибудь пристойное, пришлось тут на днях съездить и посмотреть одно бунгало – всего три комнаты и кухня, а просят за него пять с половиной гиней в неделю, и...

– Цены просто непомерные, следовало бы как-то их контролировать, – только и успела вставить мисс Сильвер.

– Ну вот и я решила остаться на прежнем месте.

– Очень разумно с вашей стороны.

– Хотя, как я уже говорила, есть свои недостатки – жить в таком тесном соседстве с совершенно посторонними людьми. В доме восемь квартир, надеюсь, вы представляете, что это такое – подниматься в лифте вместе с людьми, которых даже толком не знаешь в лицо, можете себе представить?

Мисс Сильвер не представляла.

Жемчужины то опадали, то поднимались. Миссис Андервуд продолжала тарыхтеть:

– С одной стороны, вроде бы знакомые, с другой – нет. А те, с которыми вроде бы можно держаться на дружеской ноге, далеко не всегда отвечают тем же. Взять, к примеру, мисс Гарсайд – просто ума не приложу, что она о себе возомнила, ходит с таким видом, словно не принадлежит к этому миру. А если встретишься с ней в лифте, так она смотрит на вас так, как будто вы находитесь на другой стороне улицы, а она видит вас в первый раз и не отличит от Адама, если вам доведется столкнуться с ней снова. Самое откровенное хамство – вот как я это называю. Хотя есть люди, о которых вы вовсе ничего не знаете, – но лично я, надо сказать, ничего не имею против них, однако трижды следует подумать перед тем, как что-то сказать. А Мид – она очень привлекательная девушка и доводится племянницей мужу, а не мне, хотя лично я не чувствую никакой разницы и очень рада, что она живет с нами, раз ей того хочется. Но знаете ли, жить в одной квартире с молодой девушкой, тут следует соблюдать осторожность, и это совсем не то, что жить одним.

Только тут для мисс Сильвер забрезжил свет в конце туннеля.

– Кто-то обидел вашу племянницу?

– Она не моя племянница, а мужа, я ведь уже говорила, разве нет? Но я не чувствую никакой разницы, это я тоже уже говорила. О нет, никто ее не обижал, и я уверена, в нашем доме квартиры сдают только очень приличным людям. И я не хочу создавать у вас ложное впечатление в этом плане.

Мисс Сильвер оставалось только гадать, какое же впечатление хотела создать эта говорливая особа. Когда она рассказывала о покойном Вандерлэре и его доме, дыхание ее нормализовалось. Теперь же она снова задышала учащенно. Что-то у нее на уме, это определено. И что бы это ни было, именно оно заставило миссис Андервуд сначала выпытать у Маргарет Моурей адрес мисс Сильвер, а затем проделать весь этот путь из Патни до Монтегю-Мэншнс. Впрочем, изначальный импульс мог и угаснуть. Уже не впервые посетитель, который мог бы стать клиентом, как эта миссис Андервуд, заявлялся домой к мисс Сильвер, а потом нервно ретировался, так и не рассказав о причине своих страхов, так и не попросив о помощи.

Мысль о том, что эта полная, пусть и безвкусно, но модно одетая дама могла стать жертвой какого-то тайного и страшного заговора, не вызвала улыбки на губах мисс Сильвер. Она знала, что такое страх, привыкла распознавать его с первого взгляда. Миссис Андервуд явно чего-то боялась. А потому мисс Сильвер заметила:

– Очень важно создать верное впечатление о каждом. Ведь вещи и люди не всегда таковы, какими кажутся на первый взгляд, я права?

Миссис Андервуд стыдливо опустила глаза. Казалось, она задернула шторы, впрочем, недостаточно быстро. Буквально за секунду до этого в глазах, этих окнах души, светился страх – неприкрытый животный страх существа, угодившего в ловушку.

Мисс Сильвер покосилась на свое вязанье и спросила:

– Чего именно вы боитесь, миссис Андервуд?

Полные руки в перчатках нервно затеребили бисерную сумочку. Оттуда появился носовой платок. Им гостя промокнула вспотевшее лицо. Голос, до этого такой высокий и резкий, упал до жаркого шепота.

– Тут так душно... так тесно...

На верхней губе блестели капельки пота. Платок ее тоже промок и оказался испачкан помадой. Карикатура на трагедию всегда выглядит пугающе. Эта дама, такая полная, такая самоуверенная, такая вульгарная, выглядела насмерть перепуганной. Мисс Сильвер предпочитала иметь дело с клиентами, вызывающими у нее симпатию, но чувство долга, присущее ей, было непоколебимо. И она произнесла мягко, однако достаточно твердо:

– Вы чем-то напуганы. И пришли сюда рассказать мне об этом. Не правда ли? Так почему бы не рассказать?

Глава 3

Миссис Андервуд чуть слышно ахнула.

– Не знаю, поверьте мне. Вообще-то ничего особенного не произошло. И день сегодня выдался очень теплый, не правда ли?

– А мне кажется, вас что-то очень тревожит, – заметила мисс Сильвер. – И я думаю, вам лучше рассказать об этом. Поделитесь вашими неприятностями пополам, и тогда у вас их останется вдвое меньше.

Мейбл Андервуд глубоко вздохнула. А потом вдруг неожиданно просто сказала:

– Вы мне не поверите.

Мисс Сильвер улыбнулась. И заметила:

– Я готова поверить во что угодно, миссис Андервуд.

Но момент простоты и искренности был упущен. И жемчужины на груди продолжали учащенно подниматься и опадать.

– Сама не понимаю, почему я это сказала. Девушки бродят во сне, такое иногда случается, тут уж ничего не поделаешь.

– Так ваша племянница бродит во сне?

– О нет, только не Мид. Но даже если бы такое случилось, лично меня это несколько бы не удивило. После того, что ей довелось пережить.

Мисс Сильвер снова принялась вязать. Спицы пощелкивали, и было в этом звуке нечто ободряющее.

– Вот как?

– О да! Ее торпедировали, вернее, не ее, конечно, а корабль. В прошлом году она сопровождала детей своего брата в Америку, сам он, увы, погиб во Франции. А мать у них американка, ну она и отправилась туда навестить своих родственников. Бедняжка была просто потрясена гибелью мужа, хотела как-то отвлечься, вот Мид и повезла детей к ней. Ну и, конечно, не смогла сразу вернуться домой, до самого июня. А на обратном пути в корабль попала торпеда, разнесла все в клочья, бедняжка уцелела, но потеряла жениха – она тогда не особо распространялась на эту тему, но знаю одно: они познакомились в Штатах. Он находился там с секретной миссией – закупка танков, что-то в этом роде. Но наверное, я не должна говорить, хотя не думаю, что теперь это имеет такое уж значение, поскольку он утонул. И разумеется, это было страшным ударом для Мид.

Наконец-то миссис Андервуд стала называть вещи своими именами и подошла к сути дела. Мисс Сильвер вспомнила слова Чарлза Моурей: «Фонтанирующий противогаз», вспомнила и возражение Маргарет: «Но, Чарлз, дорогой, противогазы не фонтанируют!» Она деликатно кашлянула и заметила:

– Вполне естественно. Но вы только что говорили, что ваша племянница не бродит во сне.

Миссис Андервуд приложила палец к губам.

– Ну, не знаю... Не думаю, чтобы это проделывала Мид. Возможно, Айви.

– Айви?

– Наша служанка, Айви Лорд. Ни за что не стала бы держать ее в доме, но сейчас так сложно найти прислугу, так что приходится мириться с чем угодно.

Спицы продолжали щелкать. Мисс Сильвер спросила:

– С чего вы взяли, что эта девушка бродит во сне?

Миссис Андервуд выпалила залпом:

– Я нашла у себя в комнате на полу письмо!

– Вот как? – произнесла мисс Сильвер, и пухлые бледные щеки ее гости снова обрели сиреневатый оттенок.

– А как иначе оно могло туда попасть? Я пыталась придумать объяснение, но ничего другого просто в голову не приходит. Когда я ложилась спать, его там не было, это точно. А раз не было, значит, кто-то его принес, и мне хотелось бы знать, кто именно. Квартиру запирают на ночь на все замки, в доме были только я, Мид и Айви, но первое, что я увидела, проснувшись утром, так это листок бумаги, лежавший прямо под окном.

– Листок бумаги или письмо?

Мисс Андервуд промокнула платочком лоб.

– Это был клочок, оторванный от моего собственного письма. И лежал он в спальне, прямо под окном. словно кто-то заходил ночью в комнату и подбросил его, потому как точно помню: когда я ложилась спать, его там не было, готова поклясться! – Рука с зажатым в ней платочком дрожала. Миссис Андервуд уронила ее на колени, не выпуская платок из крепко сжатых пальцев.

Мисс Сильвер подалась вперед, к ней.

– Но почему это так вас пугает? В этом письме... было что-то такое?...

Рука перестала терзать платок, сжалась в кулак, и миссис Андервуд торопливо, еле слышно пробормотала:

– О нет, конечно, нет... Это было обычное деловое письмо... совсем не такое уж и важное. Но я не представляю, как оно туда попало, и это меня пугает. Довольно глупо, понимаю, но этот густой туман по ночам и война, они, знаете ли, ужасно действуют на нервы, вам не кажется?

Мисс Сильвер кашлянула.

– Нет, слава Богу, с нервами у меня все в порядке. Так это было письмо, которое вы получили или, напротив, написали и собирались отправить?

Миссис Андервуд достала пудреницу и занялась своим лицом.

– А, это... Да, я его написала, ничего важного, просто из него был вырван клочок.

– Так вы написали, но не отправили?

Дрожащими пальцами она захлопнула пудреницу.

– Я... э-э, видите ли...

– Или все же отправили? Вот что, миссис Андервуд, для вас же лучше сказать мне всю правду. Письмо было отправлено, именно поэтому вы так встревожились, увидев вырванный из него клочок на полу.

Миссис Андервуд открыла рот, потом закрыла. Ну в точности вытасченная из воды рыба, подумала мисс Сильвер. Не слишком лестное сравнение. И она произнесла доброжелательно, но твердо:

– Если кто-то вас шантажирует...

Миссис Андервуд вскинула обе руки, точно защищаясь от невидимого противника, и воскликнула:

– Откуда вы знаете?

Мисс Сильвер добродушно улыбнулась:

– Это мое ремесло – сразу распознавать что-то подобное. Вас напугало это письмо. Вполне естественно предположить, что вас шантажируют.

Слова были подобраны точно, все упростилось, сразу встало на свои места. Миссис Андервуд испытала облегчение. Худшее, ну или почти худшее было позади. Ей и в голову не приходило, что она сможет рассказать такое кому-либо, даже когда выпытывала адрес у Маргарет, даже когда поднималась в лифте, а потом позвонила в дверь. Но как только эта такая немодная, простецкого вида женщина вдруг догадалась, она почувствовала облегчение и поняла: ей можно рассказать все. Нет, не обязательно все. Что-то дрогнуло в ее душе, и

она сказала себе: «О нет... никогда!» Впрочем, сейчас они могут обсудить все это как бы со стороны, и совсем не обязательно углубляться в подробности. И тут, словно прочитав ее мысли, мисс Сильвер заметила:

– Вам совсем не обязательно рассказывать мне все. Если не хотите, не надо.

Миссис Андервуд откинулась на спинку кресла и сказала просто:

– Ну, если вам так уж нужно знать... да, я отправила его. Поэтому так испугалась, увидев...

– Вы отправили по почте письмо, фрагмент которого увидели затем на полу в своей спальне?

– Ну да... да. Это меня очень расстроило.

– Бог ты мой! – воскликнула мисс Сильвер. – Вы написали письмо, отправили его по почте, а потом нашли обрывок этого письма под окном.

– Именно.

– Скажите, а вы сами отправляли это письмо или поручили служанке?

– О нет. Я отправила сама, собственными руками.

– А у вас не было копии этого письма или черновика?

Миссис Андервуд покачала головой.

– Оно было одно, написанное собственноручно.

Мисс Сильвер продолжала вязать. И после паузы сказала:

– Скорее всего ваше письмо было ответом на письмо человека, который, возможно, вас шантажирует. Вам известно, кто этот человек?

Ее собеседница снова покачала головой с волнистыми кудряшками, выкрашенными в светло-каштановый цвет. И снова покраснела.

– Понятия не имею. Просто ума не приложу. Адрес был, и я даже съездила посмотреть – ужасно далеко, на другом конце города, но я все равно поехала. Ну и когда добралась, увидела, что по этому адресу находится табачная лавка. Мне сказали, что люди часто приходят сюда за письмами, и я так поняла, что у этих людей разбомбили дома. Но я не очень-то поверила, ни единому слову, а больше мне ничего не сказали. Ну и я отправила это письмо, опустила в ящик в самом конце улицы и вернулась домой.

– Так вы отправляли письмо с другого конца города?

Миссис Андервуд кивнула:

– Да, именно так. Поэтому и испугалась, не смогла понять, как и почему оно вернулось в Вандерлёр-Хаус и как эта особа, Айви Лорд, сумела подсунуть обрывок мне в спальню? А ведь это она сделала, больше просто некому. Неужели вы не понимаете? У нее оказался обрывок моего письма, во сне она ночами бродит по дому. А это означает, что человек, которому я написала, живет в одной из квартир Вандерлёр-Хауса. Ну, скажите, разве это не ужасно, и что прикажете мне теперь делать? Как подумаю, возникает такое ощущение, будто вот-вот начнется сердечный приступ. А если это не она, если она не бродит во сне, так получается еще того хуже, верно? Потому что это означает, что она в сговоре с этим мошенником, кем бы он там ни был. И вообще в самом этом поступке просматривается безумие! Ну, скажите, какой смысл подбрасывать мне обрывок письма? Она, должно быть, совсем свихнулась или вляпалась в какую-то мерзкую историю, и выгоды я в том не вижу ни для кого. Стараюсь держаться от нее подальше. Две ночи подряд и глаз не сомкнула, ну а потом вспомнила, что говорила о вас Маргарет, раздобыла ваш адрес и вот пришла. Все это чистая правда.

Да, это была чистая правда, и сейчас с мисс Сильвер говорила совсем другая женщина – простая, родившаяся и выросшая в деревне, сохранившая присущую сельским жителям смекалку и даже проницательность. Так что Чарлз Моурей, говоря о том, что скучнее и глупее этой особы на свете нет, попал пальцем в небо.

Мисс Сильвер одобрительно закивала.